

СЕРГЕЙ КОРОТКОВ

Родился в 1972 г. в Тюмени. Капитан запаса (ФСБ), кандидат технических наук, доцент кафедры «Бурение» в ТюмГНГУ. Член Российского союза писателей. Автор восьми фантастических и военно-приключенческих романов, опубликованных в Тюмени и Москве. Занимался разработкой циркониевого месторождения в районе г. Тары. В альманахе «ТарЯне» публикуется впервые.

ШЕСТОЙ РЕПЛИКОН

Загоняя зверя в угол,
убедись, что угол есть!

Всепожирающая волна огня заполнила основной тоннель, смертельным дыханием внедряясь во все закоулки подземелья. Пламя пожирало всё на своём пути: запасы провизии, тюки с одеждой, скудный инвентарь... и людей. И если вся недвижимость грота «Z», охваченная огнём, бесшумно полыхала, громко щёлкая и треща, то люди, сгорая, истошно кричали и катались по неровному каменному полу. Эти предсмертные визг и ор действовали хуже жара, внедряясь в уши, мозг и выворачивая душу наизнанку. Эта боль являла собой большие страдания, чем опалённые на теле волосы, жжение в носоглотке и оплавившаяся на лице и руках кожа. Потому что нет страшнее и мучительнее картины, чем вид сгораемой заживо дочери!..

...Стас дёрнулся, вышел из небытия, открывая слипшиеся гноящиеся веки, лягнул цепями и замер. Холодный озноб после зноя во сне выглядел уж сильно резким переходом в явь. Еще эти цепи на запястьях, невыносимо обдиравшие воспаленную кожу! Хотя всё это не шло ни в какое сравнение с муками сиюминутных воспоминаний.

Он огляделся. Тёмное, сырое, затхлое помещение. Скрип дерева, скрежет железа, ощутимые телом колебания пола. Будто в трюме корабля. «Едрить мою жизнь в дышло! Это ж и так нутро судна, бултыхающего-

ся на волнах. Как же так? Только что носился факелом и истошно орал в катакомбах грота «Z», а тут нате – влажная прохладная комната и качание в такт свежему дыханию моря. Моря-я? Корабль! Цепи-и! Вот ёп-п...»

Стас вспомнил всё. Точнее, последние часы, прожитые им после побега из грота, от этого железного монстра. Репликон! Он снова вздрогнул и резко потянул цепь, сковавшую руки. И застонал от страшной боли в кистях. Взгляд упал вниз, на конечности. И глаза вмиг наполнились слезами. Слезами боли, страдания и отчаяния. Кожи на руках не было. Вообще. В смысле, той, живой, розовой, пусть слегка закрубелой и чуть волосатой, но его кожи. А вместо неё кровотокающая воспалённая плоть, покрытая волдырями и коростами. От ногтей до локтей. С оковами на запястьях. Уголки рта, издавшего стон, жутко зачесались, лимфа выступила из лопнувших коричневых пузырьков, покрывших сухие губы. Обгорелая физиономия когда-то симпатичного парня судорожно скривилась в гримасе ужаса и боли.

«Как же так?! Кто я теперь? Зачем я теперь?»

Стас отпрянул к стене, прислонился спиной к её холоду, закрыл глаза и попытался проглотить ком в горле. Спазм, сковавший трахею, никуда не собирался уходить. Свинец горя и жажды, растёкшийся по гортани. Не вышло избавиться от него. Не получилось даже это. Даже ЭТО!

А ведь раньше у него многое получалось. И многое он умел, обучая молодых страйкеров. Метко стрелять, искусно прятаться, молниеносно нападать. Науке выживать. Для чего учил, зачем? Это выяснилось позже. После Катаклизма. Когда уже сам стал опытным бойцом, успешно сражаясь и неплохо маскируясь от врага. От сильного и могущественного врага. От этих Репликонов, будь они неладны!

Но потом...

Кто-то сдал их. Предал поселенцев грота «Z», сумевших скрыться в горах и создать

неплохую оборону против непобедимого зла. Этот кто-то взломал электрошоковую сеть, ослабил защиту Рубежа и открыл пневмошлюз грота. Ясно-понятно, Репликону не составило никаких проблем воспользоваться этим моментом. И он напал. Тот, что контролировал Сектор «К», регион Черноморья.

Похоже, спасся только Стас. Да, он один. Остальных беглецов, сумевших выбраться из ада грота, настиг Репликон с жёлтой цифровой «6» на бронированной груди. Тот, который сжёг семьи поселенцев и шестилетнюю Лизу, дочь Стаса. М-м-м...

Он открыл влажные глаза. Ни век, ни бровей, ни щетины на облезлой опалённой коже. Слезы пробили рывтины-каналы в корке пыли, пепла и сгоревшего эпидермиса. И сделали лицо не жалостливее, а кошмарнее. Маска Смерти. Хорошо, что он не видел себя сейчас: ни света в трюме, ни зеркал. И не могла ужаснуться этого вида дочка. «Лизка-а!» – он сжал зубы, точнее, их остатки после взрывной волны, кинувшей его прямо на скальный выступ.

Злость на этого Шестого Репликона да и на всех этих живых «железяк» овладела душой, защемила сердце, до хруста свела челюсти. Эти твари, изначально запрограммированные ВПК на уничтожение средств живой силы армий мира, дали сбой, мутировали и глюканули. Теперь их целью стало всё живое на выжженной Земле, всё, что могло двигаться, дышать, любить.

Стас отлично помнил начало Катаклизма. Когда и как появились в недрах ВПК и «Альянса» эти биороботы. И что предшествовало этому. Это те пропавшие вместе с самолетом вояки стали материалом для управления гигантскими киборгами. Стоп. По порядку. В секретных лабораториях и на закрытом полигоне «Альянса» создавалась стальная машина. Германия делала экзоскелет и оснащала его суперновым двигателем, разработанным, кажется, концерном «Сименс-Маннесман». Так, по крайней мере, сообщали СМИ. Штаты снабдили изделие отменным

вооружением и смарт-защитой. Китайцы и японцы напичкали его электроникой и оптоволоконными элементами и каналами связи и жизнеобеспечения. Русские вживили клетки и провели трансплантацию тканей мозга человека в электронную систему управления роботом. Этими мозгами, этими беднягами, оказались те военные... Самолёт исчез с радаров, словно его и не было. На борту находились полторы сотни офицеров высшего звена из почти ста стран мира. Спецы и профи разведки, диверсий, десанта. Спецназ ведущих государств, военные консультанты, стратеги. Лучшие знатоки военного ремесла... И погибли! Все сразу, скопом, трагически и непонятно. Долгие поиски и расследования не принесли успеха. Ни обломков лайнера, ни трупов, никакой информации. Только версии, предположения, слухи.

А уже потом, после Катаклизма, прошёл слух, что они стали Репликонами. Тела кремировали, а важные донорские материалы использовали для пересадки в созданных роботов. Вскоре «Альянс» получил полторы сотни лучших бойцов-биотрансформеров под кодовым названием «Репликон» с индивидуальными номерами, раскраской и иерархией.

На самом деле в генной инженерии учёными были получены отличные результаты по разработке нового репликона – молекулы части ДНК, отвечающей за особое развитие всей системы человеческого организма, за изменения в ней и любые новообразования. Именно шестой репликон, внедрённый дополнительным звеном между пятым и трацептой ДНК, позволил всей сетке кислоты адаптировать иммунную систему и клетки организма к побочным инородным телам. И далее создать совершенный комплекс всей ДНК и межклеточной связи.

Любой твёрдый материал, будь то дерево, пластик или сталь, становился подвижным, начинал пульсировать, выполнять команды и принимать очертания, программируемые «Мамой» – центральным компьютером

«Альянса». В качестве приемника сигналов выступал человеческий мозг, некогда бывший внутри офицера спецвойск, а теперь вживлённый в процессор бронированной башни-головы биоробота. Эта машина убийств стала лучшим орудием для уничтожения. И когда в Европе произошёл сбой Большого адронного коллайдера, импульс ошибки «схлопотали» и эти совершенные устройства, несшие охрану рубежей стран НАТО. И разом повернули вспять.

Репликоны крушили всех и всё. Перенацелив систему ПРО, на второй день Катаклизма они осуществили запуск всех баллистических ракет и сожгли в ядерном пламени страны четырёх континентов Земли: обе Америки, Африку и Австралию. Даже военные базы в Арктике и Антарктиде перестали существовать после точечных ударов ядерных боеголовок. Обезопасив от явной межконтинентальной угрозы и боясь повредить «себя хороших», опустошив мир, роботы заблокировали атомный щит «ПРО» и начали зачистку подконтрольных территорий, выжигая и стирая с земли населённые пункты, базы, заводы и прочие объекты цивилизации. После рейдов Репликонов оставалось безжизненное пустое пространство с тлеющими трупами и остовами построек.

Человечество таяло каждую секунду: от Репликонов, голода, катастроф и эпидемий. Шесть из семи миллиардов людей исчезло за неделю Катаклизма. Теперь их осталось так мало и таких падших и поникших духом, что ни о какой победе не могло быть и речи. Неизбежный конец близился...

Горный Крым, где в Братстве Южан стоял Стас, получил кодовое название «Сектор К». Его пещеры, гроты, ущелья и высоты были поделены на отдельные стратегические объекты и плацдармы. Три тысячи выживших осторожно и тихо, боясь выдать себя врагу, строили оборону и жильё. Вчерашние учителя, инженеры, продавцы и клерки тесали камни, устраивали завалы и выбивали

ниши в скалах, дабы спрятать там детей, стариков, провиант. И они же разрабатывали оружие и способы поражения Репликонов. Всё то, что в их ситуации могло помочь победить роботов.

В общем-то, трансформер был только один. В этом регионе Черноморья. Тот самый, с цифрой «6» на сером металле на грудной защите на высоте восьмого этажа. Боевых единиц в армии Репликонов уже не хватало на все районы опустошенных земель, поэтому Сектор «К» контролировал один робот. И хотя закрома его боекомплекта, как и многих других стальных убийц, опустели без пополнения новыми крупнокалиберными пулями, минами и ракетами, но Репликон оставался грозной и сильной машиной, сеющей смерть по всему полуострову. Ему рыли ямы, как на мамонта, сооружали частоколы «ежей» и минные поля, палили огнём и расстреливали тем, что было в наличии у бедствующих защитников последнего южного оплота. Но острый ум вживлённого в броню мозга бывшего военного аналитика НАТО и крепкая защита спасали робота от неминуемого поражения. Созданный убивать всеми известными военной истории способами, биоробот был облачён в кевлар, сталь и огнеупорные материалы. Tактические средства, универсальное вооружение, автономный движок, блок аварийного питания, возможность подзарядки от любого энергоносителя позволяли ходячей машине выполнять сложные боевые задачи, совершать долгие пешие рейды и при этом оставаться грозным оружием. Находясь возле любого водоёма, будь то река, озеро или море, робот величиной со свечку-девятиэтажку специальными скрытыми в чреве стального организма насосами втягивал тонны воды и тут же обрушивал их на головы людей, снующих муравьями подле него. Он мог набирать груды камней, кирпичей, строительного материала, стекла, арматуры, гвоздей и булавок и всё это использовать в качестве метательного оружия.

Он одинаково умело применял огонь, собирая ГСМ по округе, пускал облака отравляющих газов и устраивал химические атаки, вскрывая склады и базы заброшенных промзон. Робот мог обратить в паническое бегство людей и животных, издавая резкий гудящий звук сирены или реактивного двигателя. Эти децибелы рвали перепонки, мозг, диафрагмы и кровяные тельца в висках. Он был жесток, беспощаден и несокрушим. Он не тонул, не горел и не травился. Его не поела ржавчина, не расщепляли кислоты и не брали снаряды-самodelки ополченцев. Горе, смерть, увечья и разруху нёс Репликон, обходя свои владения в подконтрольной ему зоне.

Спасение для людей нашлось не только в гротах и горных распадках. Они применили море для соблюдения безопасной дистанции с Репликоном: отплывали на милю от берега в случае его приближения, строили плавучие поселения вдалеке от суши, использовали баржи, корабли, морские плавсредства. Там их никто не трогал, не уничтожал и не беспокоил.

Но и продолжаться вечно так не могло!..

Стас вздрогнул. Он умирал от жажды, боли во всех органах и опустошённости в душе. С гибелью дочери ему не хотелось и не могло жить, есть, топтать эту землю... качаться на этих волнах. Потухший взгляд забегал по закоулкам трюма в поисках чего-то острого, смертельно опасного.

Ничего!

– Лиза-а! Моя маленькая Ли. Я скоро приду к тебе. Я с тобой. Я люблю тебя, девочка!

– А я думал, ты откинулся уже, – раздался голос из сумрака помещения, – ан нет, кранты ещё подождут!

– Кто здесь? Ты кто? – спросил затхлую темень Стас, пытаясь прищуриться и различить силуэт говорящего. Столько просидел без света, а глаза до сих пор не привыкли к темноте.

– Я твоя судьба, твоё спасение. Ты не знал? – ответил пожилой голос с лёгкой хрипотцой.

– Отец, не грузи меня. Нечего тут сказки на ночь изливать. Я ухожу. И чем быстрее, тем лучше!

– Но я знаю, что ты не крыса. И что не ты сдал Репликону путь в грот «Z».

– А мне по фигуре, добрый человек! Могу и я взять на себя это бремя. Мне уже аб... абсолютно ровно. Меня уже ничто не держит на этой поганой земле.

– Побойся Бога, мил чело...

– ...Нет его! Нет этого Бога! – громко воскликнул Стас и сморщился от рези в губах и жжения щек. – Бог не позволяет забирать детей. Да еще гореть в аду, не... не имея никаких грехов.

– Уже миллионы детишек забрали. Навсегда. И твоя дочь не последняя!

– Что-о? Что ты знаешь про мою Ли? Про кроху мою... да замолчи-и. Нет её. Нет Бога! И грехов не было никаких.

– Значит, грешен ты! Значит...

– ...Замолкни-и! – крикнул Стас, сжимая уродливые кисти в кулаки.

– Прости. Молчу.

Тишина. Звук падающих капель, до которых никак не дотянуться. Цепи хоть и ржавые, но крепкие. Жажда велика и беспощадна. Уж лучше бы скорее умереть и увидеть дочку.

– Что ты делал, когда пришёл Репликон? – снова раздался шёпот тьмы.

Стас, уставившись в одну точку чёрного пространства, в стороне от собеседника, слегка улыбнулся. Груз непомерного отрешения и пустоты в голове тянул вниз, на мокрый и холодный пол, в забытье. Он никогда не думал, что пустота может иметь свой вес. Причём немалый.

– Готовил гексоген для ручных бомб, – равнодушно и тихо сказал Стас, – командир приказал.

– Почему грот «Z» не взорвался от огня, если там были запасы гексогена?

– В смысле? – Стас нахмурился, превозмогая резь во лбу и вдруг ощутив где-то в глубине сердца острый укол. – А что, ката-

комбы не рванули после нападения Шесто-го и его огнемета? После того... как меня... э-э... контузило.

– Нет. Так там была взрывчатка? Точно?

– Да.

– Много?

– Тонна. Бригада Фурии неделю таскала гексоген по щепотке с разрушенного завода, который на окраине...

– ...Про это знаю. Так почему не взорвался запас?

– Не понимаю, – Стас почувствовал, как сжимается сердце и что-то трезвое и едкое вылезает из него наружу, – должен был, но... а что, грот так и не рванул? Там же гексоген был почти открыт, да ещё так много. И море огня...

Он поперхнулся, вспомнив фигурку доч-ки, объятую племенем, её крик, а затем всполохи огня на себе: ноги, грудь, горящие руки. А в них бидон с гексогеном.

– Ничего не пойму! Как он не взорвался от огня?

– Может, был закрыт или мокр? Или вовсе это был не гексоген?

– Да нет же! Я точно знаю... – Стас застыл на полуслове от мелькнувших в воспаленном мозгу картинок и мыслей. – Командир! Он поручил мне перегрузить гексоген из одной тележки в другую, чтобы отвезти весь запас по рельсам в глубь соседнего грота «N». Потому что в зоне «Z» влажно и свежо, а это опасно для потери свойств взрывчатки.

– И-и?

– Я отлучился за рельсовой тележкой. А потом продолжил работу.

– Сколько ты отсутствовал?

– Минут десять. Ну, пятнадцать.

– Тебе, поди, и помощников не дали?

– Не дали. Командир сказал, все заняты, а с опасной взрывчаткой доверяет работать только мне. Слушай, ты думаешь, что он...

– ...Я думаю, но не уверен. Знаю лишь одно – Репликоны не имеют союзников, помощников и не берут пленных. Значит, тот, кто им помог уничтожить грот «Z» в надежде

на своё спасение и личную безопасность, всё равно уже не жилец. Так и так. Мда-а, концы в воду!

– Ты... ты следователь? – осторожно спросил Стас, снова вглядываясь в говорящее пятно у стены напротив.

– Нет. Бывший юрист.

– А-а! – промычал Стас так, словно его «а-а» ему что-то объяснило или удовлетворило.

– Разберёмся. Жареным здесь однозначно пахнет!

– Угу, – Стас всхлипнул при этом ужасном слове, снова накатились воспоминания о гибнущих поселенцах, сгорающей дочке и живом вездесущем огне.

Молчание длилось минут пять. За стенами трюма отчётливо стали слышны всплески волн, шум моря и голоса. Не тревожные и дикие, как обычно там, на берегу, а спокойные. Впрочем, Стасу по-прежнему было абсолютно начхать на то, что творится кругом. Тяга к полной атрофии и умиротворению не покидала его, хотя и притупилась. Почему? Может, вопросы этого незнакомца? Или собственные мысли после его наводок? Сомнения. Душу Стаса точили сомнения в том, что произошло там, в гроте «Z», когда на них напал Репликон под номером «6». Его развивающиеся сумбурные мысли прервал собеседник:

– Отомстить за дочь хочешь? И погибнуть героем, сняв ярмо предателя и избежав позорной казни?

Стас дёрнулся, бряцая цепями, натянул их и в застывшем порыве уставился в темень трюма:

– Да-а-а!

– Лады! У тебя появилась такая возможность.

* * *

Этот сумрачный пасмурный день, пришедший на опустошённую землю Черноморья, претендовал стать Великим Днём Победы. Мелкий дождик, начавшись с обеда,

окрасил береговую линию в тёмные тона, камни быстро посерели и отдавали свинцовым блеском. Море нахмурилось и взволновалось, будоража утлые судёнышки, плоты и несколько сотен людей на них.

Народ не спал, не ел и даже не работал. Остатки защитников Сектора «К» напряжённо вглядывались в очертания скалистых утёсов, туда, где вот-вот должно было произойти что-то важное и долгожданное. Люди с серыми сосредоточенными лицами, ища точки опоры на качающихся плавсредствах, устремили взгляды на север. Щурились, фокусируя зрение, смахивали дождевые капли с ресниц, пот со лбов, протирали глаза. И ждали.

Ждать пришлось недолго.

* * *

Одинокая полуголая фигура мужчины копошилась на ровном пятачке большого каменного выступа в форме подковы, возвышающегося мысом над морем и тонкой пляжной полоской серой гальки. Когда-то здесь красовалась белокаменная башня маяка, но Репликон уничтожил её. Разложил по кирпичикам. Стёр с лица земли, как и многие другие объекты развитой инфраструктуры.

Человек в рваных грязных штанах, босой, с непокрытой головой вяло орудовал штыковой лопатой, изредка помогая гвоздодёром. Его местами обгорелое тело, испачканное в глине и саже и лоснящееся от пота, затылок с клочками седых волос, были покрыты кровоточащими ссадинами и гнойными ранами. Ожоги, изуродовавшие лицо, конечности и грудь мужчины, ныли, чесались и приносили дикие муки. Но он, казалось, не замечал их, упорно занимаясь работой. В общем-то, дело осталось за малым – оформить надгробный холмик и укрепить самодельный крест. Чем он и занялся. Ведь дочка была крещёной, и крестили её ещё в два годика здесь, недалеко, в церкви Массандры. А теперь не было в живых ни

крёстных родителей, ни мамы девочки, ни самой Лизки!

Стас утёр мокрое лицо и застонал. Затем, играя желваками, продолжил подбивать бока могильного холма, благо жара прошла и крупнозернистый мокрый песок утрамбовывался легче. Хорошо, что дождик начался всего час назад, а не утром. Почему? Он один знал это. Знал и молчал, боясь даже думать об этом, дабы его мысли не услышал никто. Особенно проклятый Шестой!

Недавно Стас с интервалом в три минуты по три выстрела разрядил в воздух обойму пистолета, полученного им от одного из руководителей ополчения. Это тоже было обговорено ещё на судне, где его держали в заточении. Чтобы привлечь... Репликона.

И уловка удалась!

Громяхающий лязгающий звук донёсся до слуха Стаса в тот момент, когда он, собрав уходящие силы, втыкал крест в холмик. Пистолет уже находился в могиле вместе с обугленным телом дочери, которую он с трудом отыскал в мёртвом выжженном гроте «Z». В маленьком обугленном трупике отец узнал своего ребёнка. И что он снова перенёс при виде дочери, никто не смог бы понять. Стоны, долгий заунывный плач, эхом отдающийся в закоулках грота. Почти лишившись разума, Стас с трудом отодрал тело девочки от камня и долго нёс его по катакомбам на мыс. Он часто спотыкался, преодолевая боль, останавливался для передышки, боясь опустить взгляд на то, что когда-то смеялось и крутило себе кудри, училось озорно подмигивать и шептало пухленькими розовыми губками: «Папуль, я тебя люблю!»

Сумерки уходящей ночи, неровная поверхность гряды и дикая усталость в угасающем организме мешали идти ровно, грозили вообще не дать добраться до нужного места. Непослушные ноги подкашивались и предательски слабели.

Но он дошёл! Дошёл и уложил чёрное скрюченное, хрустящее обуглившимися

коростами тельце на серую мешковину в заранее выдолбленную в каменистом грунте могилу. Прикрыл своей курткой, завалил мириадами камушков. Выстрелил в рассвет снова и снова, с трудом держа оружие онемевшими уродливыми пальцами. Бросил пистолет, присыпал новой порцией песка. И дальше стал медленно и отрешённо засыпать могилу крошечком местной земли. И только потом пошёл дождь.

Репликон тяжёлой поступью двигался к человеку. Скрип и скрежет металла оглашали всю округу, многотонная гигантская машина на минуту остановилась в сотне метров от маленького безобидного одинокого человечка.

По корке головного мозга, вшитого в сервер робота, пробежал импульс. Пневмоприводы стальных конечностей лязгнули, зашипели, и Репликон с цифрой «6» на бронированном нагрудном щитке замер. На секунды. Сканер смарт-датчика, запрятанного в недрах кевлара, профильтровал окрестности скалистого пятачка, скользнул по валунам мыса, но зафиксировал только одну угрозу. Точнее, жертву, обнимающую свежий холм земли с крестом, а рядом с ним пару инструментов и обломки камней. Специальный прибор просканировал поверхность земли в поисках опасных предметов или ловушек, показал нулевой результат и послал сигнал о полной безопасности территории. Визуальный контроль удовлетворил машину, а мгновенные пробы воздуха на предмет эфиров и горючих взвесей также подтвердили отсутствие какой-либо угрозы. Оставался сам человек.

Штрих-код, поплывший в экране видеискателя, отметил и послал сигнал в главную систему кибермозга: «Трёхсотый гомо сапиенс, мужского пола, оружие – ноль процентов, одежда и скрытные формы – тридцать пять процентов, неликвидный инструмент в метре от тела, холм свежевырытого грунта. Крест. По косвенным признакам и анализу системы архивации – могила. Со-

стояние жертвы и поза – минус два. Статус – параграф 92. Риск конфронтации – минимальный».

Стас жевал эти комья глины, хрустел песком, сгребал скрюченными пальцами грунт, прижимаясь к могиле всем израненным телом, и молил, молил Бога, чтобы эта железная тварь подошла, чтобы она не выстрелила снопом огня или камней, не пульнула куском стекла или не смыла струёй воды в море. А решилась и раздавила его своей огромной кованой стопой. Да, именно так!

Но... О, Боже! Репликон, выпустив сжатый воздух из приводов и поршней, со скрежетом развернулся на сто восемьдесят и сделал шаг прочь. Другой. Явно намереваясь уйти обратно. «Как так? Почему? Они же всегда убивают! Они не оставляют раненых и пленных. После них – только безжизненная местность. И мёртвая тишина. Нет. Н-нет! Что делать? Нужно его чем-то привлечь, насторожить... в конце концов, разозлить. Чем?»

Нижняя половина высоченного робота, вышагивающего тяжелой походкой, уже скрылась за кромкой пологого спуска, когда окрестность огласил дикий хохот. Очень громкий, надрывной, истерический хохот.

Кибермозг Репликона среагировал ментально. Он встал как вкопанный, с недоопущенной массивной ногой, обитой стальными кожухами и поршнями. Камеры видеофиксации, контролирующие сигнатуру на все 360 градусов, показали главному серверу громилы картинку могилы и человека. Последний лежал спиной на холмике в позе распятого Христа и, глядя в пасмурное небо, истошно смеялся. Его мимика, надрывной хохот и жесты показались мозжечку Репликона непристойными и наглыми. А ещё дерзкими и надменными, что никак не являлось допустимым. Враг должен быть уничтожен! Он немощен, обречён, но морально он не сломлен. А должен!

Репликон резко развернулся и чересчур

быстро зашагал к человеку. Намерения его теперь были очевидны. «Уничтожить!».

Стас действительно спятил, успев понять, что разум сдался и полетел в тартарары. И на миг дёрнулся, но жажда мести и злоба пересилили эту слабость. А вместе с ней и конвульсию пальца, продетого в кольцо от брелока, соединённого с проволокой, утопавшей в грунте могильного холма.

Репликон, не останавливаясь, с ходу достиг могилы с распростёртым на ней человеком, занёс стопу-пресс над жертвой. Чтобы растоптать, убить, превратить в пыль эту мерзость, этого червяка с открытым ртом, издающим смех. И в ту секунду, когда нога робота со зловещим скрежетом опустилась на полуголового смертника, натянутая стальная нить сорвала чеку гранаты, лежащей внутри бидона с белым кристаллическим порошком. Через три секунды гексоген рванул.

– Прости-и, доча-а-а...

Взрыв огромной силы разнёс Репликона, а вместе с ним и половину мыса, сильным облаком устремившись ввысь. Грохот прокатился по всему побережью Сектора «К», ударная волна с дикой скоростью расплылась по окружности в стороны. Камни и мелкие детали робота ещё долго падали сверху, треща по кустарникам и шлёпая по беспокойному морю.

Люди, съёжившиеся и отпрянувшие после взрыва, выпрямлялись, оживали и голосили. Бурные овации охватывали все судёнышки по цепи. Эхо победного клича долго витало по водам Черноморья.

Враг был повержен! Сектор «К» наконец-то стал свободным.

И только один пожилой мужчина, стоявший среди командного состава защитников на корме буксира, печально смотрел вдаль. Туда, где дым окутал скалы и где героически погиб недавний его сокамерник Стас Светлов по прозвищу Спас.